

УДК 008

Особенности смыслообразования в деформированном пространстве (феномен семьи в культурных практиках)

Глазкова Татьяна Вацлавовна

Кандидат культурологии,
доцент Российской академии музыки имени Гнесиных,
121069, Российская Федерация, Москва, ул. Поварская, 30-36;
e-mail: glaztatyana@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается социокультурный феномен семьи с позиций образования в нем культурных смыслов. При этом семья позиционируется как деформированное пространство, деформации которого влияют на самоидентификацию человека в обществе и культуре. Особенности бытования феномена семьи, его роль в процессе самоидентификации личности выявляются на примере репрезентации семьи в литературном дискурсе XIX-XX вв.

Для цитирования в научных исследованиях

Глазкова Т.В. Особенности смыслообразования в деформированном пространстве (феномен семьи в культурных практиках) // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 55-69.

Ключевые слова

Идентификация, семья, художественная культура, ценности, смыслы, культурные роли, литературный текст, репрезентация.

Введение

С проблемой идентификации человек сталкивается, как только ему приходится соотносить свое поведение и мышление с существующими нормами, в попытке добиться ответной реакции окружающих; чаще всего – в поисках одобрения.

Однако, как уже было замечено в литературе о проблемах идентификации, по преимуществу сама необходимость идентификации проявляется в момент нарушения нормы или ее разрушения.

Наиболее емко этот процесс проявляется в художественной культуре, которая, являясь рефлексией на отношение художника к миру и себе в нем, представляет репрезентацию социальных явлений в художественном дискурсе. Прежде всего, как это убедительно доказал в своей работе О.А. Кривцун [Кривцун, 2001], данное утверждение может быть связано с литературой [см. также: Куценко, 2011].

Репрезентации социальных явлений в художественной культуре способствует сущность художественного конфликта как системы «всех антиномических отношений, сумма всех бинарных оппозиций на все уровнях, взятых в наиболее интегрированном виде» [Коваленко, 8].

Одной из таких антиномий выступает в литературе оппозиция «Быт» и «Бытие», которая со времен русского реалистической литературы выступает чаще не как противопоставление, а как сопряжение. И именно непонимание возможности и естественности этого состояния вызывает протестную реакцию героев и ведет за собой развитие сюжета.

Но прежде всего подобная антиномичность важна для соотнесения дискурсивных планов: социальной реалии и ее репрезентации в литературном тексте.

«Одновременно содержание художественной жизни любой эпохи можно рассмотреть с позиций не только самодостаточности, но и с позиций преемственности. В истории не существует культур, действующий внутри которых базовый тип личности был бы абсолютно несопоставим с типом человека предыдущей эпохи. Шекспира, Мольера, Бальзака, Чехова, Пруста ставят и

переиздают не потому, что они являются признанными авторитетами, которых «принято знать», а потому что новые стадии и циклы художественной культуры «вычерпывают» из их произведений множество актуальных для себя смыслов» [Кривцун, 2001, www].

О.А. Кривцун в цитированной выше работе напоминает, что одним «из первых обратил внимание на механизм перехода художественного в общекультурное» Карл Фосслер в исследовании «Дух культуры в языке», показав «совмещенность двух планов – внутрилитературного и общекультурного» [там же]. Хотя наблюдение Фосслера касалось «форм эпистолярного общения между людьми, когда писателю удается изобрести некие языковые, стилевые и даже синтаксические конструкции, которые затем переносятся в повседневную сферу – сферу переписки и просто обыденного общения», данный подход можно распространить и на иные реалии. Так, в частности, литературный текст фиксирует состояние социального явления. Но и читатель создает свой образ данного явления сквозь призму его изображения в литературном тексте; ищет соответствий своему восприятию социума и себя в нем в литературном тексте.

Для уяснения возможностей художественной культуры в репрезентации такого социокультурного феномена, как семья, необходимо прежде всего обратиться к самой реалии.

Семья как социокультурный феномен

Культурологию семья интересует с позиций ее участия в создании, сохранении и трансляции культурных ценностей. Шкала этих ценностей определяется поисками истины, добра и красоты [Столович, 1994].

Рассматривая человека как существо незавершенное и не имеющее семейного инстинкта, исследователь культуры повседневности приходит к выводу, что семья – это «искусственная психосоматическая, социальная и символическая иммунная система, в которой выращивается и существует человек» [Марков, 2008, 208]. Семейный мир и проблемы воспитания детей – эти «вечные свойства человека», по выражению Ю.М. Лотмана [Лотман, 1994, 50], должны

были придать жизненному укладу стабильность, при том что сам феномен семьи претерпел не меньше изменений и влияний, чем государственная жизнь. Изменения эти происходили на самых ранних стадиях становления русской истории.

В связи с темой семьи внимание исследователей в первую очередь привлекает положение женщины в семье и влияние семьи на формирование личности ребенка [Пушкарева, 1997].

В.В. Розанов в своем сочинении «Люди лунного света» указывает на иной ракурс проблемы семьи в христианстве, связанный с ложным пониманием смысла семейного единения людей: «У христиан, по строжайшему учению Церкви, брак есть *форма*; а миряне договорили: «формальность». Эта-то *суть* и разрушает или растлевает европейскую семью» [Розанов, 2001, 340]. О значимости семьи в истории В.В. Розанов говорит в работе «Цель человеческой жизни»: «В ... общем процессе человеческого возрастания появляются, как медленно создаваемые его продукты, философия, искусство, и ранее их – семья, государство» [там же, 518].

Согласно теории Н.О. Лосского, уникальность каждого человека ярче всего проявляется в соборности: «Мир состоит из бесконечного множества личностей. Многие из них творят все свои жизненные проявления на основе любви к Богу, большей, чем к себе, и любви ко всем остальным существам в мире» [Лосский, 1998, 24].

Семья представляется собором абсолютно уникальных личностей. Во всяком случае, в идеале – именно в этом ее назначение в культуре. Уникальность каждой личности наиболее ярко проявляется в семье: только единство неповторимых действий каждого делают возможным ее существование. И поскольку действие каждого члена семьи предполагает реакцию другого и чаще всего нацелено на подчинение воли и интересов другого, естественно, что семья в первую очередь оказывает влияние на формирование личности.

Основным объектом воздействия в семье оказывается ребенок. Во имя ребенка семья создается, в ребенке родители пытаются воплотить свое представление о воспитании: стремятся наверстать то, что, по их мнению, они сами недополучили в детстве, или, напротив, копируют собственных родителей.

Каждый член семьи играет свою роль, четко определенную культурной традицией, и отказ кого-либо от исполнения своей роли деформирует семью, превращая «нормальную» семью в «аномальную» или «псевдосемью». Поэтому внимание к состоянию современного семейства в любую эпоху вполне оправдано.

По отношению к советской семье подчеркивается, что она «не является семьей как таковой; скорее это аномальная семья, в которой ответственность несет мать, она же зачастую доминирует. Возврат к цивилизации для нее начнется с возрождения «нормальной семьи» (в научном значении этого термина) и никак не раньше» [Дружинин, 1998, 48].

Культура постсоветская, провозгласив поворот к христианским ценностям в сфере семьи, демонстрирует неспособность преодолеть инерцию семейных отношений, сложившихся в тоталитарную эпоху. В «психопатический круг» современной семьи, которая ориентирована на традицию христианства и православия, явно или скрыто включены проблемы нравственного становления человека и действия «закона оскудения душевных сил» [Гармаев, 2002, 145-146].

Таким образом, в культурной традиции отмечается взгляд на семью как на малую церковь, «высочайшую святыню» и ненормальное для человека состояние одновременно. В то же время семья оказывается инструментом воздействия на человеческую личность со стороны государства, и ее необходимость трактуется как неизбежное общественное зло, противостоящее свободе человека в его духовно-эмоциональной сфере. В восприятии христианской культуры, отметившей сверхприродное и надсоциальное назначение семьи, «пустая форма семьи, не наполненная любовью и духом, не осуществляет своего назначения» [Ильин, 2007, 30].

В современной культуре семья представляет собой симулякр. Но может ли пустая форма служить основой смыслообразования? В данном случае речь, видимо, может идти лишь об идее смысла, его образе. «Агонизирующая реальность», которая порождает симулякр, согласно Бодрийару [цит. по: Культурология..., 1997, 423], это уже не мир эстетики, но характеристика социума. Если же сопоставить понятие симулякра с платоновской оппозицией «модель-

оригинал – подражание», то становится очевидным, что идея семьи в культуре и модели семьи в культуре именно такую оппозицию и создают.

Каждый член семьи должен играть свою роль, четко определенную культурной традицией, и отказ кого-либо от исполнения своей роли деформирует семью, превращая «нормальную» семью в «аномальную» или «псевдосемью». Поэтому внимание к состоянию современного семейства в любую эпоху вполне оправдано. Однако исполнение ролей, согласно идее семьи, «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез», как писал по другому поводу Б.Пастернак. Не то в симулякре.

Собственно, симулякром семья стала не сегодня и даже не вчера. Еще в середине XIX в., разрабатывая в своем публицистическом и художественном творчестве понятие «случайное семейство», Ф.М. Достоевский утверждал, что «современное русское семейство становится все более случайным семейством»: «случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. Заметьте еще: эта идея, эта вера – может быть, даже, пожалуй, ошибочная, так что лучшие из детей впоследствии сами бы от нее отказались, по крайней мере, исправили бы ее для своих уже детей, но все же самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи – есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, – но порядка» [Достоевский, 1983, т. 25, 178-179].

В XX веке ситуация только усугубилась. Ибо роль отца, матери и педагога-воспитателя приняло на себя государство. При этом риторика родства, в том числе и семейная, постоянно использовалась на протяжении XX века властью для влияния на общество, поскольку понятие «семьи» и лексика, входящая в этот концепт, имели в своей основе и в сознании людей более положительную, нежели негативную семантику. И, следовательно, данная лексика могла быть использована властью как средство манипуляции общественным сознанием и общественным мнением для достижения необходимого результата.

В первое десятилетие XXI века была декларирована попытка возвращения сакрального смысла понятию «семья», одушевления симулякра. Однако эти попытки показали, что все движения власти в этом направлении не более чем замещение смысла: если прежняя власть была разоблачена в своем отвержении сакрального, то нынешняя, получив урок, выставила сакральное на первый план, заявив о возрождении семейных ценностей. Но декларативность аксиологических нововведений обнаружила, что обществу предлагается тот же симулякр. Крайнее проявление его можно сегодня встретить в уличной рекламе: «У мусора есть свой дом», «Семья из двух банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем» – сообщают рекламные плакаты с изображением урны и использованной тары, призывая граждан не сорить.

Особенности репрезентации семьи в литературном дискурсе

Возвращаясь к «вычерпыванию смыслов», их актуализации при обращении к литературным текстам XIX века, можно сказать, что художественная культура чутко следила за изменениями, происходившими с семьей, что, безусловно, отражало и стремление поколений к идентификации в эпохе и культуре.

К теме семьи обращались многие писатели на протяжении всего XIX века. Не обошли ее и Грибоедов, и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, и А.Н. Островский, и Лесков... Однако в их творчестве семейная проблематика, хотя и играла очень важную, сюжетообразующую роль, оставалась на уровне мотивов, ситуаций, развития интриги. В романном творчестве второй половины XIX века феномен семьи имел идеологическую смысловую нагрузку. В связи с чем и можно говорить о фиксации в художественной культуре, в частности в литературе, трансформации образов идентификации.

Во второй половине XIX века (и хронологические рамки эти даже уже – 1860–1880-е гг.) над проблематикой, связанной с семьей как основным социокультурным феноменом эпохи, работают многие романисты. Помимо Толстого и Достоевского, это Гончаров, Тургенев, Салтыков-Щедрин.

Так, Гончаров воплотил свои идеалы в образах Обломова и Штольца. Это парадоксальное сочетание умиротворенности семейной жизни Обломова, на-

рисованной в сне Ильи Ильича, и деятельного, полного труда и красоты альянса Штольца и Ольги Ильинской, в котором Гончаров пытался представить идеальную семью, создает определенный объем в изображении жизни современного писателю семейства. Хотя сам романист на проблему изображения современной действительности смотрел иначе, считая более подходящими для этого сатирические краски.

Прежде, чем сатирический талант М.Е. Салтыкова-Щедрина «обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет» [Тюнькин, 1982, 25], в русской литературе семейная тема возникла в ракурсе спора отцов и детей. Эпоха реформ совпала с появлением романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Тургенев проблему отцов и детей переводит в плоскость взаимоотношения поколений, спора различных идеологий. При этом Аркадий Кирсанов, по возрасту принадлежащий к «детям» и изо всех сил старающийся не отставать от Базарова, вряд ли может быть по своим взглядам и поведению быть причислен к сторонникам новой идеологии. Если же рассмотреть семейную проблематику романа не с позиций идеологического спора «отцов» и «детей», а с точки зрения организации автором художественного пространства, то мы заметим, что семейное счастье становится уделом Кирсановых: Николая Петровича и его сына Аркадия. Николай Петрович счастлив с Фенечкой, Аркадий женится на сестре Одинцовой Кате. Павел Петрович и Евгений Базаров семейного счастья не знают. Таким образом, семья, по Тургеневу, – удел, или счастье, людей «обыкновенных». «Необыкновенным» трудно смириться с обыденностью предназначенья, которое исполняют люди «обыкновенные», и перенести его на себя.

Нигилизм, распространивший свое отрицание на все сферы общественной жизни, естественно изменил отношение к семье. Но не случайно в последователи Евгению Базарову даны Кукшина и Ситников, вульгарно трактующие взгляды своего учителя, в общем-то доводя их до логического завершения. Отрицающему любовь Базарову посылается испытание любовью, которое он оказывается неспособным выдержать.

Н.Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?» все события семейно-психологического сюжета (фиктивный брак, самоустранение Лопухова, новое за-

мужество Веры Павловны и др.) мотивирует идеологически: как результат следования новой морали, то есть теории разумного эгоизма [Старыгина, 2003, 184].

Не сумев ниспровергнуть «основы» общества, в числе которых всегда была и семья, новая мораль тем не менее расшатала их. Вот почему спустя полтора десятилетия после выхода в свет романа Тургенева Гончаров уповал в изображении «неустановившегося текущего» лишь на сатирический талант Щедрина. С 1875 по 1880 год Салтыков-Щедрин работал над романом «Господа Головлевы», главной темой которого стал распад и крах дворянского семейства.

В одном из писем Салтыков-Щедрин указывает на «миссию» художника «спасти идеал свободного исследования, как неотъемлемого права всякого человека, и обратиться к тем современным «основам», во имя которых эта свобода исследования попирается... Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются. <...> На принцип семейственности написаны мною «Головлевы» [цит. по: Тюнькин, 1982, 27].

В связи с разработкой темы краха дворянского семейства в русской литературе напрашивается сопоставление творчества Салтыкова-Щедрина и Гоголя. Вспоминается история гибели семейства Плюшкина: деятельный хозяин, созидатель благоустроенного помещичьего хозяйства и благополучного «дворянского гнезда», пережив смерть жены, оставленный детьми, превращается в одинокого скопидома и бессознательного разрушителя того здания, которое сам ранее воздвигал.

Порфирий Владимирович Головлев, Иудушка, на совести которого целая цепь «умертвий» в головлевском семействе, в финале романа «Господа Головлевы» приходит к покаянию, пытаясь искупить «предшествующие неудачные и отвергнутые возвращения «блудных детей» в имение Головлевых» [Есаулов, 1995, 141]. Когда Порфирий Головлев просит прощения у Бога и у Анниньки, он просит простить его «за всех». И это соборное сознание, которое вдруг проявляется в герое, роднит его с героем романа Достоевского «Братья Карамазовы» Дмитрием Карамазовым, с его идеей всеобщей виновности: все за всех виноваты [там же, 140].

Герои Толстого совершают поступки в отношении своей семьи, направленные на ее создание (Левин), разрушение (Анна), сохранение путем соблюдения формальных приличий (Каренин). Поведение героев подчинено желанию автора провести «мысль семейную» как основу счастливой или, во всяком случае, правильной, жизни человека.

Для Ф.М. Достоевского понятие семьи и представление о ее роли гораздо глубже семантического поля «счастливая – несчастливая» семья. Он смотрит на проблему иначе. Писателю важно найти истоки современного семейного нестроения. Вместо противопоставления идеала и художественной реальности Ф.М. Достоевский показывает причины и следствия распада «благочестивого семейства». «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», – в качестве альтернативы этой формуле Л.Н. Толстого Ф.М. Достоевский предлагает семантическую оппозицию «случайное семейство» – «благочестивое семейство». А.П. Чехов заостряет внимание читателя на деформированности пространства, давая ему имя «безотцовщина».

XX век принял эстафету. Литература по-прежнему искала и создавала смыслы через репрезентацию феномена семьи. Интересно в этой связи наблюдение над литературными антиутопиями. Утописты отрицали семью как субъект воспитания детей. Ребенок для них являлся объектом государственного воспитания или же искусственного выведения породы (как у Т.Кампанеллы).

Однако создатели литературной антиутопии предостерегали от возможных последствий разрушения семьи. История подтвердила их правоту. В середине XX в. последствия крушения семьи стали катастрофическими для всего общества. Так, Э.Эриксон считал, что главной причиной прихода Гитлера к власти в Германии являлась потеря авторитета отцов в глазах сыновей. Гитлер выступал в качестве «идеального заместителя отца» [Дружинин, 1998, 45].

У Е.И. Замятина в романе «Мы» нет даже понятия «семья». Государство берет на себя все заботы о продлении человеческого рода. У О.Хаксли в романе «Прекрасный новый мир» слова «отец» и «мать» в тоталитарном обществе становятся бранными. Подобная картина наблюдается в произведениях А.П. Платонова: дети отчуждены от семьи и лишены заботы со стороны властей, а пото-

му умирают в раннем возрасте. Предельным обострением семейных, брачных и сексуальных проблем является роман В.Н. Войновича «Москва 2042», где показано практически полное отсутствие разницы между мужчиной и женщиной.

Выводы

Сегодня в культуре семья выступает деформированным пространством. Однако и за образование смыслов отвечает она же. Кризис семьи как общественного института налицо. Кризис семьи как концепта культуры невозможен в принципе. Если мы говорим о таком кризисе, то значит, он искусственно создан. Человек как частное существо противится этому кризисному состоянию, начинает поиск своей идентичности. Применительно к бытованию семьи в культуре можно говорить только об изменении культурной нормы.

Государству не нужна сильная и самостоятельная семья. Однако, разрушая семью, подменяя собой одного из ее членов, государство работает и на саморазрушение. Когда угроза саморазрушения начинает довлеть над государством, оно ищет спасительный круг и находит его в семье. Начинается восстановление семьи как общественного института. В какой-то момент государство даже инициирует изменение культурной нормы и закрепляет это изменение законодательно (как это произошло недавно во Франции, где легализованы однополые браки). При этом внешнем кризисе семья продолжает существовать на микроуровне, выступая как защитная система, необходимая личности для становления и самореализации.

Становление личности (а детоцентризм семьи уже, кажется, никем не ставится под сомнение) невозможно без детерминированности ролей всех членов семьи, оказывающих влияние на ребенка. И отец не может стать матерью, а мать отцом без того, чтобы эта подмена не оказала деформирующего влияния на взаимоотношения в семье. Физически один из родителей может отсутствовать в повседневном, а точнее – в обыденном окружении, ребенка. Но это отсутствие будет маркировано в его сознании определенным образом. В случае замещения ролей происходит подмена в сознании и в мировосприятии ребенка, у него не оказывается необходимых опор, в жизненной идее ли (идушей

от отца), в эмоциональной сфере (идушей от матери). Гендерные роли четко распределены. Поэтому, как это во множестве показано, в частности, в русской литературе, если замещение и возможно, то по одной линии: дед вместо отца, бабушка вместо матери. Но именно вместо, а не в качестве. Разумеется, возможно и замещение по линии кровный отец – отец-воспитатель. С материнской ролью – все одновременно и проще, и сложнее. Если вспомнить коренное значение слов «мать» и «отец» (П.А. Лавровский), то изначальное отождествление имен матери и отца в сознании ребенка, казалось бы, предполагает свободное отсутствие одного из них с принятием другим на себя его обязанностей.

Современные культурные практики, однако, ставят под сомнение гендерную основу распределения ролей в семье. В данном случае имеются в виду однополые браки, участники которых претендуют на создание семьи через усыновление. И хотя сегодня возможность создания подобной семьи многими подвергается критике, сама вероятность подобного развития событий была подготовлена всей историей развития семейных отношений, особенно в ситуации конфликта семьи и государства и претензиях последнего на замещение роли отца в семье.

Библиография

1. Гармаев А. Психопатический круг в семье. Мн., 2002. 320 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти тт. Л., 1983. Т. 25. 518 с.
3. Дружинин В.Н. Психология семьи. Екатеринбург, 1998. 199 с.
4. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. 287 с.
5. Ильин И.А. Основы христианской культуры. М., 2007. 318 с.
6. Коваленко А.Г. Художественный конфликт в русской литературе XX века (структура и поэтика художественного конфликта в русской литературе XX века). М., 2001. 128 с.
7. Кривцун О.А. Художественные эпохи в культуре Нового времени: проблема идентификации. // Искусствознание. 2001. № 1. С. 17-38. URL: <http://www.deol.ru/users/krivtsun/article21.htm>

8. Культурология XX век. Словарь. СПб., 1997. 460 с.
9. Куценко Н.Ю. Роль классической художественной литературы в формировании мировоззрения личности // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 3. С. 8-26.
10. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. М., 1998. 416 с.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. 399 с.
12. Марков Б.В. Культура повседневности. СПб., 2008. 352 с.
13. Пушкарева Н.Н. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. 386 с.
14. Розанов В.В. Метафизика христианства. М.; Харьков, 2001. 536 с.
15. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М., 2003. 352 с.
16. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк эстетической аксиологии. М., 1994. 464 с.
17. Тюнькин К.И. Вершины русской сатиры // Гоголь Н.В. Ревизор. Мертвые души. Шинель. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. Сказки. М., 1982. С. 3-47.

Features of sense formation in the deformed space (the phenomenon of family in cultural practices)

Tat'yana V. Glazkova

PhD in Cultural Studies,

Associate Professor at Gnesins Russian Academy of Music,
121069, 30-36 Povarskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: glaztatyana@yandex.ru

Abstract

The article discusses the sociocultural phenomenon of the family from the standpoint of its cultural meanings formation. The family is described as a deformed

space whose deformation influence the self-identification of the individual in society and culture. The features of the family phenomenon existence, and its role in the process of individual identity, are described on the example of family representation in literary discourse of the XIX and XX centuries.

For citation

Glazkova T.V. (2015) Osobennosti smysloobrazovaniya v deformirovannom prostranstve (fenomen sem'i v kul'turnykh praktikakh) [Features of sense formation in the deformed space (the phenomenon of family in cultural practices)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6, pp. 55-69.

Keywords

Identification, family, art culture, values, meanings, cultural roles, literary text, representation.

References

1. Dostoevsky F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti tt.* [Complete works: in 30 vols.], Vol. 25. Leningrad.
2. Druzhinin V.N. (1998) *Psikhologiya sem'i* [Family psychology]. Ekaterinburg.
3. Esaulov I.A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoi literature* [Category of sobornost' in Russian literature]. Petrozavodsk.
4. Garmaev A. (2002) *Psikhopaticheskii krug v sem'e* [Psychopathic circle in the family]. Minsk.
5. Ilyin I.A. (2007) *Osnovy khristianskoi kul'tury* [The Basis of Christian Culture]. Moscow.
6. Kovalenko A.G. (2001) *Khudozhestvennyi konflikt v russkoi literature XX veka (struktura i poetika khudozhestvennogo konflikta v russkoi literature XX veka)* [Artistic conflict in Russian literature of the twentieth century (the structure and poetics of artistic conflict in the Russian literature of the twentieth century)]. Moscow.
7. Krivtsun O.A. (2001) *Khudozhestvennyye epokhi v kul'ture Novogo vremeni: problema identifikatsii* [Art eras of modern culture: the problem of identification]. *Iskusstvoznanie* [Art history], 1, pp. 17-38.

8. *Kul'turologiya XX vek. Slovar'* [Cultural studies in XX century. A dictionary] (1997). Saint Petersburg.
9. Kutsenko N.Yu. (2011) Rol' klassicheskoi khudozhestvennoi literatury v formirovaniy mirovozzreniya lichnosti [The role of classical literature in shaping the outlook of the person]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 3, pp. 8-26.
10. Lossky N.O. (1998) *Mir kak osushchestvlenie krasoty* [The world as the realization of beauty]. Moscow.
11. Lotman Yu.M. (1994) *Besedy o russkoi kul'ture* [Conversations about Russian culture]. Saint Petersburg.
12. Markov B.V. (2008) *Kul'tura povsednevnosti* [Everyday culture]. Saint Petersburg.
13. Pushkareva N.N. (1997) *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnitsa (X – nachalo XIX v.)* [The private lives of Russian women: the bride, the wife, the mistress (X – the beginning of XIX century.)]. Moscow.
14. Rozanov V.V. (2001) *Metafizika khristianstva* [The metaphysics of Christianity]. Moscow; Kharkiv.
15. Starygina N.N. (2003) *Russkii roman v situatsii filosofsko-religioznoi polemiki 1860-1870-kh godov* [Russian novel in the situation of philosophical and religious polemics of 1860-1870-ies]. Moscow.
16. Stolovich L.N. (1994) *Krasota. Dobro. Istina. Ocherk esteticheskoi aksiologii* [Beauty. Goodness. Truth. Essay in aesthetic axiology.]. Moscow.
17. Tyun'kin K.I. (1982) Vershiny russkoi satiry [The tops of Russian satire]. In: Gogol N.V. *Revizor. Mertvye dushi. Shinel'* [The Government Inspector. Dead Souls. Overcoat]. Saltykov-Shchedrin M.E. *Gospoda Golovlevy. Skazki* [Golovlevs. Fairy tales]. Moscow, pp. 3-47.